
ТЕНЬ ГУГИМАГОНА

Надо признать, что погода не совсем подходила для поездки на катере. Вернее, на водном амобилере, который все-таки здорово похож на обыкновенный четырехместный прогулочный катер.

Холодный речной ветер — слишком холодный для мягкой угуландской осени — так взбесил воды Хурона, что мое первое самостоятельное путешествие по лучшей из рек Соединенного Королевства больше всего напоминало поездку на гигантском кенгуру. Меня не просто качало, а трясло так, что колени стучались о подбородок. Глаза слезились от ледяного ветра, слезы текли по щекам, смешиваясь с брызгами речной воды и мелкими капельками морозящего дождя. Ни один идиот, кроме меня, ни за что не стал бы подвергать себя таким добровольным истязаниям, да еще и в самом начале каким-то чудом случившегося Дня Свободы от забот.

Честно говоря, я был в полном восторге!

Я давно собирался освоить водный транспорт. Мое лихачество на обыкновенных сухопутных амобилерах с самого начала стало чуть ли не главной столичной притчей во языцех. Впрочем, эта слава никогда не казалась мне заслуженной — любой мой земляк, способный худо-бедно справиться со своей четырехколесной развалюхой, стал бы здесь такой же знаменитостью, как я. А вот сесть за рычаг водного амобилера я собирался очень долго. Отчасти потому, что в прежней жизни мне никогда не доводилось управлять катером. Тем не менее я все-таки собрался с духом и взял несколько уроков

у старика Кимпы. Ронять свой авторитет в глазах младших служащих Управления Полного Порядка как-то не хотелось, а дворецкому сэра Джуффина Халли довелось опекать меня в те благословенные времена, когда я не мог справиться даже с незнакомыми столовыми приборами.

И вот сегодня я в полном одиночестве несся по темным водам Хурона на собственном новеньком «катере», насквозь мокрый, но вполне счастливый. Тот факт, что я умудрился выбрать для этого приключения единственный непогожий день солнечной поздней осени, только подливал масла в огонь моей новой страсти. Благодаря буйству стихии невинная прогулка вполне тянула на маленький апокалипсис местного значения — именно то, что мне требовалось.

В последнее время мне здорово хотелось встряхнуться: приготовления к моему идиотическому воцарению на престоле народа Фангахра шли полным ходом. Мохнатый Дом стремительно превращался из бывшей Университетской библиотеки, пыльной, запущенной и немного таинственной, в вульгарный оплот роскоши и неги. Даже маленькая смотровая башенка на самом верху уже была устлана какими-то ужасными коврами, совершенно не в моем вкусе. Время от времени мне приходилось туда заходить, дабы доставить удовольствие своему королю, чьи верные слуги убивали кучу времени и денег, обустроивая мои будущие апартаменты. В эти минуты реальность, с которой я только-только как следует свыкся, начинала казаться мне очередным странным сном. Не кошмарным, конечно, но довольно утомительным. Единственное, что меня утешало, — Его Величество Гуриг VIII клялся и божился, что ни одна высокопоставленная сволочь не заставит меня находиться там в промежутках между торжественными приемами моих подданных, каковые по моим расчетам должны были случаться не чаще нескольких раз в год и затягиваться не дольше чем на пару часов. А слову короля следует верить.

Но пока я летел на своей хрупкой скорлупке по взбесившемуся Хуруну, подпрыгивая на гребнях темных упругих волн,

все эти проблемы попросту не существовали. Я ни о чем не вспоминал и не строил планы на будущее. Было только «здесь и сейчас», — на мой вкус, немного чересчур мокрое и холодное.

«Макс, ты очень занят в данный момент?» — вежливо спросил сэр Шурф Лонли-Локли.

Его Безмолвная речь настигла меня столь внезапно, что мне пришлось резко затормозить. Маленький водный амобилер замер на месте и тут же беспомощно запрыгал на вконец распоясавшихся волнах Хурона.

«Скорее нет, чем да. Что-то случилось?»

«Думаю, что нет. Тем не менее я хотел бы обсудить с тобой одно странное происшествие. Оно скорее касается моей частной жизни, чем наших служебных дел».

«Тем лучше! — отозвался я. — В любом случае, мне пора переодеться во что-нибудь сухое и попробовать согреться. Так что просто заходи к Теххи, я там скоро появлюсь».

«Извини, Макс, ты знаешь, как я люблю бывать в “Армстронге и Элле”, но мне не хотелось бы обсуждать свою проблему в присутствии леди Шекк. Дела такого рода следует обговаривать конфиденциально. Тебе не внушает отвращения предложение встретиться в каком-то другом месте?»

«Дырку над тобой в небе! Ты же знаешь, я обожаю тайны. Тогда приезжай в мою квартиру на улице Желтых Камней. Если доберешься туда первым, заходи: дверь не заперта, благо в мой дом и силой-то никого не затащишь. И закажи полный поднос всякой горячей дряни из “Жирного Индюка”, ладно?»

Я быстренько доставил свою новую игрушку к причалу Макури, где у меня со вчерашнего дня было собственное место. Флегматичный усатый старик с недовольным видом вылез из своего укрытия, чтобы помочь мне привязать это очаровательное транспортное средство. Он смотрел на меня почти с суеверным ужасом — не потому что узнал «грозного сэра Макса», никакой Мантии Смерти на мне и в помине не было. Просто любое человеческое существо, решившееся прокатиться по реке в такую погоду, должно было вызывать суеверный

ужас, или, по крайней мере, настойчивое желание упечь его в ближайший Приют Безумных.

Я дал сторожу корону, после чего он, вероятно, окончательно определился с моим диагнозом: слишком большие деньги за такую мелкую услугу. Это чудовищное несоответствие грозило разрушить его представления об окружающем мире, безрадостный, но драгоценный результат нескольких сотен лет жизни. Но старик оказался крепким орешком: похлопав выцветшими от времени глазами, пробормотал несколько высокопарных благодарственных слов, из тех, которые всем нам приходится усваивать еще в детстве, специально для подобных случаев, и поспешно скрылся в приземистом домике, где его наверняка ждала горячая жаровня с камрой.

Я проводил сутулую спину сторожа завистливым взглядом: мне-то еще предстояло короткое, но неприятное путешествие в Новый Город, и ледяное лоохи будет безжалостно хлопать меня по спине, как злая мокрая простыня.

Я погрузился в амобилер и рванул с места с такой скоростью, словно за мной гналась целая семейка голодных вурдалаков. А через две минуты я пулей влетел в свою гостиную на улице Желтых Камней.

Лонли-Локли уже был здесь. Неподвижно сидел в центре комнаты — не удивлюсь, если выяснится, что он предварительно измерил помещение, чтобы точно определить центральную точку! Я невольно залюбовался своим другом. Белоснежное лоохи таинственно мерцает в полумраке комнаты, смертоносные руки в защитных рукавицах сложены на коленях — не человек, а просто ангел смерти какой-то.

— Все-таки ты меня опередил, — уважительно отметил я.

— Ничего удивительного, я послал тебе зов, когда находился на улице Забытых Снов. Думал, что застану тебя в «Армстронге и Элле». Трудно было предположить, что ты отправишься на прогулку, — в такую-то погоду.

— А вот такой я загадочный и непредсказуемый, — рассмеялся я. — Будь великодушен, подожди еще несколько

минут. Если я немедленно не переоденусь, у меня начнется какая-нибудь простуда, а мне очень не хочется вспоминать, что это такое.

— Разумеется, тебе необходимо переодеться. И на твоём месте я бы не пренебрегал горячей ванной.

— А я и не собираюсь пренебрегать. Но это займет не больше нескольких минут. Ты же знаешь, я все делаю быстро.

— Да, знаю, — кивнул Шурф. — Пожалуй, я пошлю зов хозяину «Жирного индюка», попрошу его прибавить к моему заказу что-нибудь согревающее.

— Не стоит, — крикнул я, сбегая вниз по узкой винтовой лестнице. — Не так плохи мои дела, чтобы напиваться в стельку.

— Мой жизненный опыт свидетельствует, что опьянение протекает приятнее и проходит гораздо быстрее, чем простуда. А моим наблюдениям можно доверять, — возразил этот потрясающий парень.

Через несколько минут я вернулся в гостиную в самом что ни на есть роскошном расположении духа. Я уже успел согреться, укутаться в теплое домашнее лоохи и выслушать официальное заявление собственного изголодавшегося желудка, что он, в случае чего, готов мужественно переварить целое стадо слонов.

Стол был уставлен подносами и кувшинами. Для начала я налил себе полную кружку горячей камры — вместо аперитива.

— Вот теперь я действительно жив, — заявил я после нескольких осторожных глотков.

— Если ты так говоришь, значит, так оно и есть. Что ж, это — не худшая из новостей, — согласился Лонли-Локли.

Я внимательно взгляделся в его серьезную физиономию, пытаюсь обнаружить там быстро исчезающий след ироничной усмешки. Но эта игра не из тех, где я выхожу победителем: никаких определенных выводов я так и не сделал. Как обычно, впрочем.

— Между прочим, у меня дома ты вполне мог бы снимать свои перчатки, — заметил я, придвигая к себе тарелку. — Или

ты предпочитаешь оставаться в них на тот случай, если я начну рассказывать глупые анекдоты, — чтобы всегда иметь возможность быстро заставить меня замолчать? Могу тебя разочаровать: есть версия, что мой болтливый рот не закроется даже после смерти. Так что это не выход.

— Что за странная идея! Твоя жизнь не представляется мне настолько бессмысленной, чтобы прерывать ее по столь пустяковому поводу. Я предпочитаю оставаться в перчатках по другой причине.

— Что, предчувствуешь какую-то опасность?

Я оторвался от еды и постарался сделать умное лицо. На такую тему, как опасность, грозящая самому Лонли-Локли, наверняка следует говорить с должной серьезностью.

— Да нет, Макс, никакой опасности я не предчувствую. Во всяком случае, не здесь и не сейчас. Я не снимаю перчатки, поскольку шкатулка, предназначенная для их хранения, осталась в моем кабинете в Доме у Моста. Неужели ты думаешь, что оружие, вроде моих перчаток, можно просто положить в карман?

— Да уж, вряд ли это согласуется с правилами техники безопасности, — рассмеялся я. — Ладно, Магистры с ними, с твоими ужасающими варежками. Рассказывай, что стряслось с твоей «частной жизнью»? Я же умираю от любопытства!

— Ничего не стряслось, — задумчиво сказал Шурф. — Ничего такого, о чем следует рассказывать посторонним. Ничего такого, о чем людям свойственно беспокоиться. Тем не менее я все же испытываю некоторое беспокойство. Макс, ты помнишь, что однажды взял меня в свой сон?

— Конечно, помню. По дороге в Кеттари. Нам пришлось спать на какой-то тесной кровати, ты решил воспользоваться случаем и предложил мне свой сон, — по твоему собственному высокопарному выражению.

— Да, — кивнул Шурф. — Но вышло иначе, мы путешествовали по каким-то удивительным местам из твоих сновидений. Честно говоря, это событие было не слишком похоже на обыкновенный сон. Я с самого начала предполагал, что

природа твоих сновидений заслуживает самого пристального изучения. Но дело даже не в этом... Ты помнишь, среди прочих наваждений там были бесконечные пустынные песчаные пляжи на берегу какого-то странного неподвижного моря? Довольно неприветливое место, хотя в твоём обществе я получил огромное удовольствие от этой прогулки.

— Разумеется, помню. Но почему ты именно сейчас об этом заговорил?

— Просто потому, что пришло время поговорить на эту тему, — пожал плечами сэра Шурф. — Это место в последнее время слишком часто мне снится. Без твоего вмешательства, как я понимаю. И оно больше не кажется мне одним из тех мест, которые приятно посещать — во сне или наяву.

— Мое вмешательство исключено хотя бы потому, что мы с тобой спим на разных подушках, дружище, — рассудительно заметил я.

— Ну, теоретически говоря, расстояние между головами спящих имеет значение только для новичка в делах подобного рода, вроде меня. И, если я правильно оцениваю твои возможности, ты вполне мог бы заставить меня созерцать твои сны, даже находясь вдалеке. Но ты тут ни при чем, я уверен. Если бы я видел эти сны благодаря твоему вмешательству, я бы ощущал твое присутствие. А тебя там не было, тут я не могу ошибиться. Но всегда есть кто-то другой. Кто-то, кого я не могу увидеть. Мне не нравится его присутствие, хотя оно почти неощутимо. И мне кажется, что я его не знаю.

— Безобразие! — возмутился я. — Какие-то чужие дядьки шляются по моему любимому сну, а я не в курсе. Хорошо, хоть ты доложил обстановку. И, разумеется, я не стал бы силой затаскивать тебя в свои сны, даже если бы умел это делать. А я не умею. Во всяком случае, никогда не пробовал. Впрочем, мне самому уже очень давно не снились эти пляжи. В последний раз я гулял там, когда мне удалось переночевать в спальне деда нашего сэра Мелифаро. Если честно, я даже начал о них забывать. Неудивительно, я регулярно забываю вещи поважнее, чем сны.

— Ты не совсем правильно оцениваешь расстановку сил, Макс. Нет вещей «поважнее», чем некоторые сны. Странно, что я вынужден говорить об этом человеку, черпающему могущество в сновидениях, — Лонли-Локли укоризненно покачал головой.

— Действительно, — смутился я. — Просто в последнее время реальность преподносила такие сюрпризы, что... Ладно, в любом случае ты говоришь именно то, в чем я сам всегда был убежден.

— Я, собственно, хотел узнать, не творится ли с тобой нечто в том же роде? — спросил Лонли-Локли. — Но уже понял, что ничего подобного с тобой не происходит. Скажи, а раньше, когда тебе снились эти пляжи, ты никого там не встречал? Или, может быть, тоже ощущал чье-то пугающее присутствие?

— Нет, ничего подобного со мной никогда не было. Я очень люблю это место. И всегда был уверен, что оно принадлежит мне одному. Знаешь, иногда приходит такое странное чувство абсолютной уверенности, не основанной ни на чем, кроме смутных ощущений.

— Знаю, — согласился Лонли-Локли. — На мой взгляд, подобному чувству следует верить... Что ж, значит, в этом деле ты мне не помощник.

— Как это — «не помощник»? — огорчился я. — Я же сам тебя туда заманил. Я, конечно, понятия не имел, что творю, но это не освобождает меня от ответственности за возможные последствия. В конце концов, это — мой сон. Кому с ним разбираться, как не мне?

— И как ты собираешься разбираться со сном, который давным-давно перестал тебе сниться?

— Надо подумать.

Я отставил в сторону незаметно опустевшую тарелку и звонко чихнул. Все-таки злодейка-простуда уже встала на мой след. Она с наслаждением облизывалась, предвкушая, как сожрет меня с потрохами.

— Тебе следует на время отказаться от детской веры в собственную неуязвимость и выпить стаканчик горячего вина. Старое, проверенное средство. — Лонли-Локли перешел

на лекторский тон: — Авторы множества книг по медицине подтверждают общепринятое мнение о пользе этого напитка для людей, ставших жертвами переохлаждения.

Не дожидаясь моего ответа, он поставил кувшин с вином на раскаленную жаровню.

— Разве что из твоей дырявой чашки. Она у тебя с собой? Может быть, сие магическое действие поможет мне не только избавиться от насморка, но и собраться с мыслями.

— Почему нет? — согласился сэр Шурф, доставая из-за пазухи старую чашку без дна. — На тебя этот ритуал действует не менее эффективно, чем на бывших членов моего Ордена. Во всяком случае, хуже точно не будет.

— Хуже уже просто некуда, — пожаловался я, внезапно обнаружив, что уже являюсь счастливым обладателем нескольких тонн свежайших соплей. — Дырку в небе над моим носом, ну и темпы у этой грешной простуды!

— Держи. — Рука в огромной, испещренной рунами защитной рукавице протянула мне чашку, на одну четверть наполненную горячим вином. — Думаю, тебе этого хватит.

— Надеюсь, что так, — прогундосил я, аккуратно принимая этот дырявый сосуд.

Я опасался, что на сей раз у меня ничего не получится. Во время насморка очень трудно сохранять веру в собственное могущество. Тем не менее оно было на месте — жидкость оставалась в дырявой посудине, словно добрую половину своей жизни я проходил в послушниках древнего Ордена Дырявой Чаши, бок о бок со своим великолепным коллегой.

Я залпом выпил горячее вино и чуть не умер от облегчения. Насморк все еще был при мне, но он больше не имел значения. Ничего не имело значения: я стал таким легким и равнодушным, что, пожалуй, не стал бы обращать внимание и на более серьезные неудобства.

Я вернул волшебную чашку хозяину и замер, прислушиваясь к экстремному выпуску новостей из глубины собственного организма. Насморк отступил первым; почти неощутимая, но настырная боль в горле слегка усилилась, а потом ушла